

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ-ОЛЕНЕВОДОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Рассматриваются новые предметы, вошедшие в последние десятилетия в быт тундровых ненцев и их перспективное влияние на традиционный оленеводческий комплекс. Акцент сделан на тех новшествах или их аспектах, которые не нашли отражение в современных исследованиях. В частности, представлены такие сферы как оленеводческий инвентарь, жилище, транспорт, средства связи, игрушки и развлечения. Сделан вывод, что присутствие, распространение и функционирование указанных инноваций в быту тундровых ненцев нередко становится эффективным катализатором больших и стремительных изменений, последствия которых могут стать разрушительными для тундрового ненецкого оленеводства, как традиционного хозяйственного комплекса.

Ключевые слова: этнография Сибири, кочевые народы, технологические инновации, устойчивость культуры, традиционные знания.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-158-168

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг. Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Введение

Одной из характерных черт ненецкой культуры является ее высокая устойчивость, способность к быстрой адаптации и восприятию нового в меняющихся условиях. Данная особенность неоднократно становилась предметом пристального внимания исследователей-этнографов. Непосредственно теме соотношения «традиционного» и «нетрадиционного» в ненецкой культуре была, в частности, посвящена монография Г.П. Харючи [2001], по этим вопросам неоднократно высказывался А.В. Головнёв [Golovnev, Osherenko, 1999; Головнёв, 2012; и др.], отдельные аспекты проблемы затрагивали и другие специалисты [Истомин, 2015; Liarskaya, 2009; Stammer, 2009; Tuuisku, 2002; и др.], некоторые из которых будут упомянуты далее.

Оставив в стороне очевидную связь новаций и традиций в любой этнической культуре, неизбежность их сосуществования и непрерывную трансформацию наиболее успешных новаций в традиции, хотелось бы подчеркнуть одну деталь: культуре ненецких кочевников свойственен особенный динамизм и активное движущее начало — они не просто легко воспринимают приходящие извне новшества, касающиеся повседневного быта, но и сами постоянно готовы к поиску и эксперименту для повышения качества своего жизнеобеспечения. В наше время этот процесс особенно ускорился и активизировался. Поднимаемая тема является частью более масштабной проблемы адаптации ненецких тундровиков к современным условиям активного промышленного освоения северных территорий.

В данной работе рассматриваются новые материалы, предметы и технологии, вошедшие в быт тундровых ненцев-оленеводов в последние десятилетия. Ее специфика и новизна состоят, во-первых, в том, что основной акцент сделан на освещении тех заимствованных ненцами элементов материальной культуры или их особенностях, которым не было уделено пристальное внимание в предыдущих исследованиях. Во-вторых, работа выстроена в практическом ракурсе, центральным для нее является ответ на вопрос, который имеет принципиальное значение для оценки дальнейших перспектив существования ненецкой культуры: не пересекается ли в инновациях современности некая грань, чреватая необратимыми разрушительными последствиями для оленеводства тундровых ненцев?

Апелляция именно к данной отрасли хозяйства кочевников вполне обоснована. Оленеводческий комплекс является, по сути, стержнем, базисом традиционной ненецкой культуры. Он

обеспечивает ненцам высокий уровень экономической самостоятельности и социальной автономии, выступает одной из ключевых характеристик их этнической идентичности. Не случайно история Западной Сибири помнит примеры, когда лишившиеся своих стад ненцы-рыболовы через какое-то время начинали числиться хантами и, наоборот, вышедшие в тундру семьи богатых хантыйских оленеводов ассимилировались и входили в качестве новых родов в состав ненецкой общности (см., напр.: [Васильев, 1988, с. 102; Квашнин, 2010]).

В методологическом отношении работа базируется на системном исследовательском подходе, и в частности схеме, предложенной для анализа арктических моделей жизнеобеспечения И.И. Крупником [1989, с. 24–25]. В ее рамках главными составляющими тундрово-ненецкого оленеводческого комплекса предстают пастбищные угодья, хозяйственный коллектив, домашние животные (оленье стадо, пастушеские лайки) и производственно-бытовой инвентарь. В качестве ключевых характеристик традиционного тундрового ненецкого оленеводства можно выделить следующие: крупностадность; высокий уровень специализации хозяйства; транспортное (нартенное) использование оленей; применение пастушеских оленегонных собак; сложившаяся система протяженных сезонных перекочевок вслед за оленями; проживание в переносных жилищах — чумах; семейный коллектив (с жестким гендерным разделением труда) как минимальная единица хозяйственного объединения. Отдельно отмечу обширный и разносторонний опыт, которым владеют ненецкие оленеводы и передают его следующим поколениям: глубокое знание биологии северного оленя и особенностей территории выпаса, навыки дрессировки оленей и собак, умение изготавливать и использовать весь оленеводческий и кочевой инвентарь, мастерство ориентирования на местности в сложнейших условиях и пр.

Исследование в значительной степени основано на полевых материалах, собранных в последние десять лет среди ненецких оленеводов Тазовского, Приуральского и Ямальского районов ЯНАО.

Замена предметов на близкие аналоги

Процесс включения в обиход оленеводов новых материалов, предметов и технологий непрерывен. В 1930–1970-х гг. в быт кочевых ненцев вошли печь-буржуйка, металлическая и пластиковая посуда, резиновые лодки, снегоходы «Буран», радиоприемники, рации и бинокли. Сегодня мало кого удивляет всеобщее использование тундровиками в качестве летней обуви резиновых сапог, то, что их традиционные очки с узкими прорезями для защиты глаз от солнца повсеместно сменились обычными солнцезащитными очками и что старые деревянные лодки оленеводов теперь лежат невостребованными на местах стоянки летних нарт, а люди пользуются надувными резиновыми лодками.

В приведенных примерах атрибут традиционной культуры был полностью заменен его функциональным аналогом — более практичным предметом промышленного производства. Ненцы в этом случае руководствуются очевидными мотивами: заимствованный предмет лучше выполняет нужную функцию, он более надежен, долговечен и, что немаловажно, часто удобнее в хранении и транспортировке. В подобной ситуации замещение предметов подчас происходит стремительно и бесповоротно, как это случилось с летней ненецкой обувью *тангад*¹, на смену которой пришли резиновые сапоги: «*Раньше ненцы летом в кисах ходили из шкур сделанных. Я сам с малолетства тоже ходил. В 1956-м году, я помню, когда рыбачили и там линячих гусей ловили. А тогда первые сапоги появились, один хвастается: “У меня резиновые сапоги”. А у меня кисы. Я на лодке сижу и плачу. А мне-то на берег хочется, а как в кисах? Сиди, говорит, малой, у тебя сапог нету. В первый раз, тогда резиновые сапоги появились*» (2013 г., оленевод-частник Гыданской тундры, 1949 г.р.).

Интересным вариантом этого же ряда является частичная (сезонная) замена предмета. Например, ненцы продолжают использовать для ловли оленей плетенный из кожаных ремешков тынзян, но в летнее время предпочитают ему аркан из капронового шнура, так как последний более устойчив к воздействию влаги. Нужно заметить, что у ненцев имелся собственный «влагоустойчивый тынзян», изготавливавшийся из шкуры морского зайца (*нарти хоба*), он выгодно отличался тем, что не только не намокал, но и не перекручивался в процессе использо-

¹ *Тангад* — летняя замшевая обувь ненцев особого покроя, для повышения влагозащиты её сильно продымляли, однако полностью защитить ноги от промокания она не могла. «*Тангад — летние кисы, их раньше носили. В один слой были, шерстью внутрь. Сверху кожу собирали “гармошкой”, как русские лапти, они быстро сохли*» (2012 г., оленевод Тазовской тундры, 1958 г.р.).

вания. Однако, как и некогда использовавшиеся немокнувшие кисы ненецких рыбаков из нерпичьей шкуры (*няк" пива"*), этот предмет не оказался конкурентоспособным по отношению к промышленным аналогам, и сегодня его можно встретить в тундре крайне редко. Объясняется это, во-первых, тем, что предметы из продукции морского зверобойного промысла всегда имели ограниченное распространение из-за дефицита исходных материалов; во-вторых, они предполагали довольно трудоемкое изготовление и требовали более бережного обращения, нежели вещи из капрона и резины.

Довольно часто ненцы начинают использовать для изготовления вещей новые материалы, при этом не обязательно меняется технология производства и не всегда уходит в небытие традиционное сырье. Так, в качестве материалов для изготовления оленьей упряжи уже прочно вошли в обиход пластмасса (используются фрагменты промышленных труб, бытовых ведер и других предметов), полипропиленовый шпагат. Предметы, изготовленные из этих материалов, часто отличаются яркой расцветкой, прочны, устойчивы к воздействию сырости, оледенению, кроме того, являются несъедобными (в отличие от кости, рога и кожи) для домашних животных. Ненцы, в частности, отмечают, что домашние олени нередко повреждают изготовленные из рога предметы, так как грызут их от нехватки в организме минеральных веществ. Своя эстетика отличает и яркую разноцветную упряжь, изготовленную из пластика (рис. 1), и высокохудожественные детали, вырезанные из оленьего рога, мамонтовой кости, бивня моржа или костей кита. Эти предметы беспрепятственно сосуществуют вместе.

Рис. 1. Современные детали оленьей упряжи из рога и пластмассы. Фото автора.

Fig. 1. Modern elements of reindeer harness made of horn and plastic. Photo by the author.

Полозья нарт ненцы теперь часто подбивают пластиком или металлом, благодаря чему их можно делать не такими толстыми, они лучше скользят и служат дольше. В отдельных районах Приуральской тундры оленеводы с гордостью утверждают, что их полозья подбиты металлом от упавших конструкций космических аппаратов. Неожиданным минусом пластиковых или металлических набоев на полозья, как ни парадоксально, подчас оказывается их великолепное скольжение. При резком торможении упряжки, например, когда олени чувствуют, что впереди под снегом скрывается заметный овраг, подбитые нарти не могут остановиться сразу и иногда увлекают под кручу и оленей, и человека. Однако очевидно, что этот риск не стал препятствием для распространения новых материалов.

Новые предметы ненецкого быта

Не менее обыденной является практика включения в обиход абсолютно новых предметов — в основном это технические приспособления и устройства. Именно они в массовом количестве вошли в использование тундровыми ненцами в последние десятилетия: портативные бензиновые

электростанции, бензопилы, телевизоры, спутниковые телевизионные тарелки, DVD-проигрыватели, сотовые и спутниковые телефоны, навигаторы и др. Нужно подчеркнуть, что для пользования почти всей этой техникой необходимо топливо (бензин, газоконденсат) — либо для их непосредственной заправки, либо для обеспечения работы питающего их электродвигателя, зарядки аккумуляторов. Ограниченные возможности транспортировки больших запасов топлива (прежде всего в летнее время), а также сложности с его приобретением выступают некоторым сдерживающим фактором на пути более широкого использования ненцами данных технических средств. Нередко таким ограничителем выступает высокая стоимость приборов при их недостаточной острой востребованности, это касается, например, спутниковых телефонов. Не случайно спутниковые телефоны (так же как и рации) редко приобретаются самими оленеводами, как правило, их закупают для ненцев окружные власти или общественные организации. Кроме того, существуют некоторые ограничители и в отношении самих технических средств: для ненцев жестким критерием отбора при выборе моделей и вариантов техники является их сочетаемость с условиями кочевого образа жизни: отбор не проходят громоздкие и тяжелые предметы, неудобные в транспортировке. Показательно, например, что телевизоры со спутниковыми телевизионными антеннами («тарелками») из-за сложностей их перевозки используются во многих ненецких хозяйствах только в зимнее время.

Отдельного внимания на этом фоне заслуживает сотовый телефон — прибор связи, стремительно вошедший в жизнь ненецких оленеводов в последние 10–15 лет². Этнограф Ф. Штаммлер предрекает этому техническому средству поистине революционное воздействие на жизнь ненцев. Среди факторов, обеспечивающих его органичное вхождение в обиход оленеводов, немецкий исследователь указал относительную дешевизну, малый размер, легкость, энергоемкость и практически безграничные пространственные масштабы сообщения с внешним миром [Stammler, 2009, p. 52, 72].

Рис. 2. Регулярная зарядка мобильных телефонов на стойбище в Тазовской тундре. Фото автора.

Fig. 2. Regular charging of mobile phones at a nomad camp in the Tazovskaya tundra. Photo by the author.

Перспективы использования мобильного телефона тундровиками впечатляют. Как отмечают сами оленеводы, благодаря мобильным телефонам они получили возможность легко координировать действия друг друга на расстоянии (например, во время поиска убежавших оленей, перегона стада), намечать встречи, обговаривать условия сделок, информировать о своих перемещениях, состоянии пастбищ, вызывать экстренную помощь, быть в курсе последних новостей у знакомых и родных и т.д. Широкое распространение мобильных телефонов позволяет ненцам использовать новый способ мелких денежных расчетов между собой: требуемая сумма перечисляется на теле-

² Оленеводы Тазовской тундры рассказывали, что смогли начать пользоваться сотовыми телефонами в окрестностях п. Тазовский примерно с 2002 г.

фонный баланс другого человека, причем это можно сделать, даже находясь от него на большом расстоянии. Для молодежи и детей телефон стал популярным средством развлечения: они пользуются игровыми приложениями, слушают музыку, просматривают видеозаписи и фотографии. И именно наличие сотовых телефонов подчас становится основной причиной необходимости возить с собой летом портативный электродвигатель (рис. 2). *«Сейчас у нас на бригаду один движок-киловатка — пять лампочек и три телевизора тянет. Мы на лето один движок на всех берем. Кто-то другой бензин везет — так распределяем груз. Пока сотовые телефоны не появились, движок летом не нужен был»* (2012 г., оленевод Тазовской тундры, 1987 г.р.).

Возможности использования сотовых телефонов кочевыми ненцами напрямую связаны с расширением зоны покрытия сигнала телефонной связи. Сначала единственными местами, где действовала телефонная связь, были лишь крупные населенные пункты и их окрестности. Однако с установкой приемопередающих антенн на местах разработки нефтегазовых месторождений и проведения строительных работ возможности пользования мобильным телефоном появились даже в удаленных районах тундры. Применение практики СМС-сообщений позволяет тундровикам передавать и получать необходимую информацию, находясь и вне зоны устойчивой телефонной связи.

Наряду с очевидными преимуществами, которые предоставляет тундровым ненцам использование мобильного телефона и других технических средств, нельзя не указать на их масштабное воздействие на быт и культуру оленеводов. Ф. Штаммлер даже высказал опасение, что мобильная телефонная связь в перспективе может ускорить размеренный ритм тундровой жизни, что грозит ростом ошибок в принятии серьезных решений и постепенной потерей свободы, столь высоко ценимой тундровыми кочевниками [Stammlier, 2009, p. 70]. Сами оленеводы отмечают, что появление в их быту телевизоров, видеомагнитофонов и отчасти сотовых телефонов уже ощутили сказалося на формах проведения досуга (люди стали гораздо меньше общаться между собой, читать, играть в шахматы) и даже стало одной из причин угасания фольклорных традиций: *«Собираться, как раньше, в одном чуме, рассказывать сказки — такого сейчас нет. Каждый развлекается по-своему: дети мультики смотрят на проигрывателе, мы фильмы смотрим»* (2012 г., оленевод-частник Тазовской тундры, 1981 г.р.)³.

Символично также полушутливое высказывание одного из оленеводов, что теперь вместо сказаний и песен ненцы при встрече чаще обмениваются DVD-дисками. В определенной мере такая подмена фольклора продукцией кинематографии действительно происходит, причем подобные процессы отмечаются и у других народов Севера Западной Сибири. Так, З. Надь в качестве одного из объяснений особенной популярности боевиков у васюганских хантов предложил жанровое сходство угорского героического эпоса с телевизионными фильмами, демонстрирующими сражения и кровавые битвы [2013, с. 30–33].

Еще более масштабные и трудно предсказуемые последствия для образа жизни тундровиков можно ожидать от внедрения в оленеводство специальных электронных технологий. С 2008 г. в ЯНАО постепенно начала распространяться практика использования микрочипов для упрощения учета и идентификации оленей. Подобный опыт уже имеется у оленеводческих предприятий ОАО «Салехардагро», МОП «Ярсалинское». Не приходится сомневаться, что внедряемая «извне» технология будет по достоинству оценена самими ненцами и, если оленеводы почувствуют, что она приносит им практическую выгоду, они будут активно способствовать ее распространению и развитию. Неслучайно среди жителей Ямальской тундры ходят рассказы о том, что электронные устройства подобного рода, помогающие вести учет оленей, как будто бы применяются уже отдельными оленеводами-общинниками.

Именно оленеводы-общинники нередко становятся инициаторами планов реорганизации самой системы выпаса, выражают готовность кардинального изменения конструкции пастушеского жилища, размышляют о внедрении научно выверенной селекции, искусственной подкормки оленей. Характерным примером являются идеи, высказанные в интервью общинником Надымского района М. Яром (олeneводческая община «Хамба», Надымский район): *«Это в тундре чум — незаменимое жилище, а в Надымском районе почва совершенно другая. По осени чуть прошел дождь — жилище в воде. Его надо переставлять чуть ли не каждый день. Это хлопотно. Каслать не так удобно, как в тундре. Много кочек, оленью большую нагрузку не дашь. Поэтому для этой зоны удобнее домики. А для кочевков — выбрать вариант палатки или складного чу-*

³ ПМ Р.Х. Рахимова, Тазовский район, 2012 г.

ма. Я такой в Норвегии себе присмотрел. Собирается быстро, изготовлен из прочных и одновременно легких материалов. Кроме того, со сменой территории у оленя поменялась кормовая база, стало наблюдаться белковое голодание. Значит, необходима подкормка. Сейчас провожу исследования, чтобы точно знать как» [Мещерякова, интернет-ресурс].

Еще один электронный прибор — спутниковый навигатор в 2010-е гг. начал свое стремительное распространение среди ненцев. Эта тема нашла отражение в специальном исследовании К.В. Истомина [2015], поэтому здесь мы остановимся лишь на ее отдельных нюансах. Во-первых, навигатор, наряду с компактностью и простотой в использовании, обладает одним непревзойденным качеством: он дает информацию о местонахождении сразу в привязке к местности. Вероятно, по этой причине прибор, в отличие от компаса, легко получил широкое признание среди тундровиков. Во-вторых, нужно отметить специфику использования GPS-навигатора оленеводами: они, как правило, используют лишь одну функцию прибора — указание текущего местоположения на карте. Причем большую часть времени прибор остается выключенным для экономии заряда батарей, а обращаются к его помощи на остановках и только при появлении сомнений в правильности выбранного пути. Излишне полагаться на электронное устройство большинство ненцев считают опасным, и, скорее всего, оно так и останется достаточно эффективным, но все же резервным средством ориентирования.

Кратко остановлюсь также на современном использовании снегоходов. Снегоход «Буран» начал постепенно распространяться среди ненцев с 1970-х гг. Отличительная черта сегодняшнего дня: для оленеводов ЯНАО стало престижным иметь снегоход зарубежных моделей «Yamaha» или «Scandic», которые считаются наиболее надежными и мощными. Показательно, что снегоходы становятся предпочтительным видом транспорта для поездок в поселки и города с целью доставки продуктов и промышленных товаров, для выездов в гости.

Немного отвлекаясь, можно добавить, что у части тундровых ненцев сформировался даже своеобразный этикет для поездок в крупные населенные пункты, позволяющий, по их словам, более комфортно чувствовать себя, встречаясь с поселковыми людьми. Проявляется он в том, что тундровики стараются выглядеть более «цивилизованно»: выезжать предпочитают на снегоходе (а не на оленях), на себя надевают европейскую одежду либо особую малицу, внутренняя (ворсовая) часть которой подшита цигейкой или другим материалом. Дело в том, что шерсть с малицы в теплом помещении начинает осыпаться, кроме того, повседневная меховая одежда имеет специфический резкий запах, что нередко вызывает недовольство поселковых людей (включая даже родственников), провоцирует взаимные обиды и ссоры. Характерное высказывание по этому поводу: *«Еще зайдешь куда-нибудь в гости, или к своим дочерям, они: вот, ты шерсть натряс! Или: ты тут воняешь — чумом или чем»* (2012, оленевод Тазовской тундры, 1951 г.р.).

Снегоход в сравнении с оленьей упряжкой, безусловно, имеет как свои очевидные преимущества, так и недостатки, которые отчасти препятствуют окончательной замене живой тягловой силы на механическую (см.: [Stammler, 2009, p. 71–72; Tuuisku, 2002, p. 203]). Отдельно отмечу лишь такую характерную особенность, как ограниченную сезонную возможность использования снегохода, в то время как оленный транспорт может использоваться круглогодично. Признавая незаменимость оленей в летнее время и тяжесть выпадающей им в этот сезон работы, тундровики иногда шутят, что нелегкий летний труд животных — это компенсация за тот отдых, что олени получают зимой, ведь многие пастухи даже для объезда стада в зимнее время пользуются не упряжкой, а снегоходом. В итоге мы здесь наблюдаем сходную ситуацию ограниченной замены, что и с ненецким тынзяном. В целом очевидно, что, пока сохраняется традиционная форма выпаса оленей, снегоход, даже современных зарубежных моделей, на большинстве территорий не способен для ненцев полностью заменить оленью упряжку.

Завершая разговор о технических устройствах, приведем некоторые общие статистические показатели владения техникой у кочевых ненцев ЯНАО. Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев по материалам своих социологических исследований 2006–2007 гг. сообщают: около 70 % кочевых ненцев имеют снегоход, около 58 % — радиоприемник, около 27 % — портативную радиостанцию, около 17 % — портативную электростанцию, около 15 % — телевизор [Попков, Тюгашев, 2007, с. 86]. Не приходится сомневаться, что оснащенность техническими средствами и их разнообразие в быту тундровых кочевников будут только расти, причем рост этот, скорее всего, останется неравномерным в разных ненецких коллективах. Сегодня среди трех категорий ненецких оленеводов — частники, общинники, работники крупных предприятий именно последние, как правило, лучше других оснащены техникой, так как располагают для этого необходимыми денежными средствами. Кроме того,

оленоводство в крупных хозяйствах (наследниках оленеводческих совхозов) многие десятилетия ведется при существенной поддержке авиации и вездеходов, особенно в летнее время года. С помощью воздушного или наземного транспорта предприятия доставляют работникам своих бригад необходимые продукты питания и материальные ценности, осуществляют ветеринарное обслуживание стад. Очевидно, что тенденция зависимости ненецких оленеводов от внешних ресурсов и услуг с развитием технического оснащения будет только развиваться.

Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые новшества в материалах и технологиях, которые коснулись такого важного атрибута кочевой жизни ненцев, как чум. Г.П. Харючи, называя в числе ненецких инноваций, связанных с чумом, использование брезента и дорнита для летнего покрытия жилища, обустройство окон и привходовых тамбуров, отмечает как выраженную тенденцию — создание все новых физических удобств человеку при одновременном снижении степени сакрализации жилого пространства и его атрибутов [2001, с. 201]. Действительно, многие оленеводы теперь не устанавливают в чуме специальный священный шест (*сымзы*), не имеют в жилище культовых предметов, не возят с собой священные нарты. Обычно такое положение дел ненцы объясняют нежеланием придерживаться строгих запретов и правил, связанных с сакральными атрибутами, за несоблюдение которых может последовать наказание высших сил. Однако, скорее всего, за этим кроется не только стремление избежать лишних «неудобств», но и возможная неуверенность в своих знаниях культовых правил и запретов.

Выше уже приводились идеи одного из ненецких оленеводов поменять традиционный чум на более удобную складную конструкцию, данная инициатива не является единичным случаем. Интересные наблюдения по этому поводу были сделаны одним из тундровых ненцев-рыбаков. Он рассказал о казавшихся ему забавными попытках молодых тундровиков внести свои улучшения в интерьер чума или в практику его обогрева. Текст рассказа, демонстрирующего торжество веками проверенных традиций, отличается живописностью изложения и нескрываемой иронией: *«Тут же современной молодежи-то много, вот этих причендалов напридумывали — то у них потом чум снегом заметет или еще что-то... Зимний чум-то, он же с двух шкур — одна шкура наружу шерсть, вторая вовнутрь. И там надо такую, непостоянную температуру — буржуйка топится, нагрелась, какое-то время тепло подержалось, потом она остыла. Между шкурами получается конденсат, его отхлопывать надо. А два молодых у нас два керосиновых обогревателя поставили, говорят: да у нас вообще тепло, мы эти включаем — нормально же. А чум же потом разбирают — короче, потом все их шкуры облезли. Это сколько работы потом — чум-то зашивать! А есть такие, которые солярой только топят,— там потом все в копоти, шесты, шкуры. Еще, раньше же делали на полу со стороны постели 3–4 доски, ну чтобы было куда наступать. А сейчас молодежь пошла — на эти доски начали делать линолеум. Вот сам даже зайдешь, когда ты на доски наступаешь, доски сделаны — скат сюда немножко с одной доски, следующая тоже так же. Тот же песок или вода — все, оно туда стечет вниз. А на этом линолеуме ты за день сколько раз подметешь? И еще сырость — под ним же влага, плесенью отдает, и доски гниют. Потом вот эти матрасы. Из веток раньше делали и до сих пор делают. Они же легкие и там толщина, и между ними получается, что дышит. А современные сейчас положили утеплители такие, поролоновые, с фольгой. Потом говорят: да это невозможно – через неделю, наверно, постель сушим, все мокнет — выкинули это все. Мне говорят: не вздумай эту ложить, лучше ветки положить, брезентом и все. Оказывается, надо, чтобы дышало. Я говорю: вот, оказывается, раньше люди придумывали для чего»* (2012 г., рыболов Тазовского р-на ЯНАО, 1972 г.р.).

Тем не менее реальная альтернатива чуму у ненецких тундровиков все-таки появляется. В последние десятилетия среди гыданских и тазовских оленеводов набирает все большую популярность новый вариант зимнего жилища — балок на полозьях, приспособленный для перевозки упряжкой из 6–8 оленей⁴ (рис. 3).

Для изготовления балка используются деревянные бруски, фанера, гвозди, стекло, металлические уголки. Крыша покрывается оленьими шкурами, часть ненцев начала применять для этой цели брезент с утеплителем, так как шкуры из-за сильного конденсата влаги на крыше до-

⁴ Практика использования балка в качестве кочевого жилища пришла в Тазовский район с Таймыра. Считается, что прообразом балка послужила кибитка на полозьях, которую в XIX в. использовали русские купцы для поездок в таймырскую тундру. Сначала в качестве жилища балок стали применять долганы, от которых его заимствовали нганасаны, а от них энцы и ненцы. Так, у таймырских ненцев, проживающих на реках Б. и М. Хета, Соленая, первые балки появились в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [Васильев, 1994, с. 430; Квашнин, 2009, с. 103, 110].

Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев...

вольно быстро теряют ворс. Данная постройка удобна прежде всего тем, что не требует, в отличие от чума, постоянной сборки и установки. Быстрое распространение балка среди оленеводов несколько сдерживается рядом его недостатков: сложностью транспортировки по пересеченной местности; чрезмерными физическими нагрузками для ездовых оленей; ограниченностью жилого пространства; появлением затхлых запахов; значительными перепадами температуры в течение суток и др. Один из пожилых оленеводов так прокомментировал свое нежелание жить в балке: «Балок таскать шесть-восемь оленей надо — не везде проедешь. В нарты-то больше четырех у нас не запрягают, потому что кусты и кочки кругом. Олени балок таскают — у них потом суставы болят. Потом в балке места мало — больше одного человека в гости не позовешь. То сильно жарко, то холодно, заболеть можно от этого. Я лучше в чуме жить буду» (2012, оленевод-частник Тазовской тундры, 1958 г.р.).

Рис. 3. Строящийся оленеводческий балок, Тазовская тундра, 2012 г. Фото автора.

Fig. 3. A reindeer herder's balok under construction in the Tazovskaya tundra, 2012. Photo by the author.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, как ограниченное пространство балка диктует новые реалии жизни оленевода: хозяин не может принять у себя дома большое количество гостей. Таким образом, вновь становится очевидным, что отдельные новшества в материальной культуре ненцев (распространение телевизоров, сотовых телефонов, балков) могут неожиданным образом влиять на социальные стороны жизни людей.

Воздействие той же направленности можно увидеть и в нынешнем наборе игрушек, которыми играют дети на стойбищах (рис. 4). На смену традиционным моделям нарт, чумов, изображений оленей из различных природных материалов, рукотворным куклам, миниатюрным копиям одежды, сумок и люлек все чаще приходят конструкторы, машины и куклы промышленного производства, игровые приложения на сотовых телефонах и ноутбуках. Новые игрушки уже не связаны напрямую с занятиями и жизнью ненцев, они оторваны от этнических традиций и культуры, а подчас даже противоречат им (например, купленные в магазине куклы имеют изображение черт лица, что, согласно верованиям ненцев, возможно лишь для культовых изваяний). Соответственно теряется одна из важных функций детской игры в традиционном обществе — передача знаний и навыков, которые необходимы во взрослой жизни.

Наиболее серьезные последствия может иметь набирающая все большую популярность форма досуга взрослых и малолетних оленеводов — электронные игры, особенно учитывая такие их критические характеристики, как индивидуальный характер и полное поглощение внимания. Категоричное мнение по этому поводу высказал один оленеводческий бригадир, коми-зырянин по происхождению: если подросток играет в чуме в компьютерные игры — ему уже оленеводом не быть, так как он, в отличие от развлекающегося взрослого, не может сам разделить досуг и работу, не имеет для этого необходимого опыта и уже не успеет его приобрести (2009 г., оленевод Северного Урала, 1950 г.р.). Несмотря на то, что высказывание связано с представителем другой этнической группы, проживающей на более южной территории, оно раскрывает идентичные процессы, происходящие среди ненецких оленеводов.

Рис. 4. Современные игрушки ненецких детей в тундре. Фото автора.

Fig. 4. Modern toys of Nenets children in the tundra. Photo by the author.

Заключение

Реальная угроза для традиционной культуры ненецких оленеводов сегодня действительно очевидна. Новые материалы, предметы и технологии далеко не всегда сами являются источником данной угрозы, они во многом лишь отражают ранее произошедшие изменения в культуре, мировосприятии людей. Тем не менее их присутствие, распространение и функционирование в быту тундровых ненцев нередко становится эффективным катализатором еще больших и стремительных новаций, последствия которых могут уже стать разрушительными для тундрового ненецкого оленеводства как традиционного хозяйственного комплекса.

Наиболее тревожные симптомы, которые обусловлены описанными выше современными новациями, следующие:

- 1) быстрое сокращение сакрального поля культуры в вещном пространстве тундровых ненцев;
- 2) усиливающееся нарушение внутренних социальных связей, выражающееся в сокращении прямых личных контактов между людьми, снижении качества передачи традиционных знаний новым поколениям;
- 3) тенденции кардинального изменения системы традиционного выпаса, одним из вариантов развития которых может стать прекращение практики круглогодичного кочевания семейными коллективами;
- 4) возрастание экономической и психологической зависимости от внешних ресурсов и услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев В.И.* Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: История и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 101–106.
- Васильев В.И.* Ненцы, энцы, нганасаны: (Северосамодийские народы) // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 412–440.
- Головнёв А.В.* О традициях и новациях: Признательность за дискуссию // ЭО. 2012. № 2. С. 84–86.
- Истомин К.В.* Попытка построения стадияльной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций // ЭО. 2015. № 3. С. 41–59.
- Квашнин Ю.Н.* Ненецкое оленеводство в XX — начале XXI века. Салехард; Тюмень: Колесо, 2009. 168 с.
- Квашнин Ю.Н.* Хантыйские этнические компоненты в составе сибирских тундровых ненцев // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею проф. З.П. Соколовой. М.: Август Борг, 2010. С. 70–85.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.

Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев...

Мещерякова А. Откуда берутся грузины в тундре? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://finugor.ru/node/11044>.

Надь З. Телевидение и проблемы интерпретации культурных явлений у васюганских хантов // ЭО. 2013. № 2. С. 24–36.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 182 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX в.). Томск: ИТУ, 2001. 228 с.

Golovnev A., Osherenko G. *Siberian survival: Nenets and their story*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999. 182 p.

Liarskaya E. Settlement on the Yamal Peninsula: Who are they? // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2009. Vol. 41. P. 33–46.

Stammler F. Mobile phone revolution in the tundra? Technological change among Russian reindeer nomads // *Generation P in the Tundra*. Tallinn: Estonian Literary Museum, 2009. P. 47–78.

Tuuisku T. Transition period in the Nenets Autonomous Okrug: Changing and unchanging life of Nenets people // *People and the land: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Deitrich Reimer Verlag, 2002. P. 189–205.

V.N. Adaev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malgyn st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

CULTURAL TRANSFORMATION: MODERN MATERIALS AND TECHNOLOGIES IN THE LIFE OF THE TUNDRA NENETS REINDEER HERDERS (YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG, RUSSIA)

The paper presents an overview of the new elements that have come into the life of the Tundra Nenets of Northwest Siberia in recent decades, and their prospective impact on the traditional reindeer husbandry. The emphasis is on those innovations or their aspects that have not yet been reflected in modern studies. These are, in particular, such points as reindeer herding, dwelling, transport, means of communication, toys and entertainment. The culture of the Nenets nomads is characterized by a special dynamism and an active driving approach — they not only easily adopt technological innovations coming from the outside world, but are also constantly ready to search and try things out to improve the quality of their living. In recent years, this process has become particularly fast and intensified. It is concluded that the presence, spreading and functioning of these innovations in the life of the Tundra Nenets often becomes an effective catalyst for large and accelerated changes, the consequences of which can become destructive for the Tundra Nenets reindeer husbandry as a traditional economic and cultural base. The topic under consideration is part of a larger issue of adapting the Tundra Nenets to the modern circumstances of active industrial development in the YNAO. There are several alarming symptoms that are caused by these modern innovations. The first symptom is a rapid reduction of the sacred sphere in the objective world of the Tundra Nenets. The second one is the increasing disruption of internal social ties, manifested in the cutback of direct personal contacts between people and in the deterioration in the quality of the traditional knowledge transfer to younger generations. The third is the trend of a cardinal change in the traditional mode of reindeer pasture management, where one plausible option for development now is the cessation of the practice of year-round nomadic movements led by family groups. And the fourth is the increasing economic and psychological dependence of the indigenous population on external resources and services.

Key words: Siberian ethnography, nomads, technological innovation, cultural sustainability, indigenous knowledge.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-158-168

REFERENCES

Golovnev A.V. (2012). About traditions and innovations: Appreciation for the discussion. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 84–86.

Golovnev A., Osherenko G. (1999). *Siberian survival: Nenets and their story*, Ithaca, New York: Cornell University Press, 182 p.

Istomin K.V. (2015). An attempt at constructing a stadial model of intercultural borrowing and intracultural dissemination of technological innovations. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 41–59.

Khariuchi G.P. (2001). *Traditions and innovations in the Nenets culture (the second half of the 20th century)*, Tomsk: ITU, 228 p.

Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethnoecology: Models of traditional land-use systems of the sea-mammal hunters and reindeer-breeders of Northern Eurasia*, Moscow: Nauka, 270 p.

Kvashnin Iu.N. (2009). *The Nenets reindeer husbandry in 20th — early 21st century*, Salekhard; Tyumen: Koleso, 168 p.

Kvashnin Iu.N. (2010). Khanty ethnic components in the Siberian Tundra Nenets. *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: K jubileiu prof. Z.P. Sokolovoi*, Moscow: Avgust Borg, 70–85.

Liarskaya E. (2009). Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 41, 33–46.

Nagy Z. (2013). Television and problems of interpretation of cultural phenomena among Eastern Khanty. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 24–36.

Popkov Iu.V., Tiugashev E. A. (2007). *The current state of the traditional culture of the Samoyed and Finno-Ugric populations of the Yamal-Nenets autonomous district: (Ethno-social aspect)*, Novosibirsk; Salekhard: Bank kul'turnoi informatsii, 182 p.

Stammler F. (2009). Mobile phone revolution in the tundra? Technological change among Russian reindeer nomads. *Generation P in the Tundra*, Tallinn: Estonian Literary Museum, 47–78.

Tuisku T. (2002). Transition period in the Nenets Autonomous Okrug: Changing and unchanging life of Nenets people. *People and the land: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*, Berlin: Deitrich Reimer Verlag, 189–205.

Vasil'ev V.I. (1988). Nenets-Ugric interrelations in the North of Siberia: History and the present time. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy drevnei istorii Zapadnoi Sibiri*, Tobolsk, 101–106.

Vasil'ev V.I. (1994). Nenets, Enets, Nganasans: (Northern Samoyedic peoples). *Narody Severa i Sibiri v usloviakh ekonomicheskikh reform i demokraticeskikh preobrazovanii*, Moscow, 412–440.